

Д.Н. Маслюженко, Р.Ю. Почкаев

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА СИБИРСКОГО ХАНСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализируются интерпретации формы и сущности власти в Сибирском ханстве в отечественной историографии, рассматриваются основные этапы становления взглядов на проблемы изучения и особенности сибирской государственности, в том числе объясняющие причины отсутствия специальных исследований в этом направлении. Проведение историографического исследования позволяет подвести определенные итоги и наметить перспективы и направления дальнейших исследований государственности древней Сибири.

Ключевые слова: Сибирское ханство; тюрко-татарская государственность; традиционное право кочевых народов; источники по истории Сибири XV–XVII вв.

Вопрос государственности и права Сибирского ханства является частью большой исследовательской проблемы: как в условиях распада постордынского пространства и при существовании «инерции единства», обоснованной В.В. Трепавловым [1. С. 362], трансформировались ее государственные и правовые традиции, каковы были локальные нюансы этого процесса? Не претендуя на полноту охвата темы, мы постараемся показать некоторые основные подходы к этой проблеме, существующие в отечественной историографии, именно на примере Сибирского ханства. В силу особенностей развития тюрко-татарской государственности Шибанидов на юге Западной Сибири название «Сибирское ханство» не может быть использовано в качестве обобщающего. Оно лишь отражает завершающий этап ее существования в XVI–XVII вв. Первым ханом из династии Шибанидов, который был назван в русских летописях «сибирским» [2. С. 264], являлся Кутлук б. Ибрахим, начало правления которого в Тюмени относится примерно к 1505 г. С середины XVI в. «сибирскими» в русских источниках автоматически называют всех местных Шибанидов, в том числе и их предков, например хана Ибака, который в синхронных документах известен только как «шибанский», «ногайский» или «тюменский царь».

Наиболее часто обсуждаемым, а точнее – констатируемым вопросом историографии является реконструкция системы управления и связанного с ними состава аристократии Сибирского ханства. С.В. Бахрушин писал о том, что «еще до прихода русских родовая туземная знать перерождалась в знать феодальную, социальная мощь которой основывалась на землевладении и на связанной с ним военной службе сеньору» [3. С. 155]. Тем самым, по сути, проводилась параллель с характерным для советской историографии трендом установления феодализма как главной черты средневековья. Исследователь не учитывал и в условиях доминирующей традиции не мог учитывать процесс ломки родоплеменных традиций в период вхождения территории в состав Монгольской империи и Золотой Орды, а тем более процесс реальной смены населения на юге Западной Сибири во владениях Шибана, которые и стали основой формирования позднейшей шибанидской государственности.

При этом С.В. Бахрушин считал, что стоявший в центре пестрой толпы феодалов «хан возглавлял многочисленные улусы, из которых складывался его юрт», при этом предложением выше писал, что лишь незначительная часть «черных людей» была непосредственно подчинена самому сибирскому хану. Большинство населения было подчинено своим князьям, находившимся в вассальной зависимости от султана. К ним, т.е. владельцам маленьких улусов, он относил мурз, князей и уланов (огланов), сравнивая их с летописными: «...удельные его бояре и князцы». Среди владельцев улусов и в целом сибирской аристократии, участвующей в системе управления, могли быть как представители «туземной сибирской знати», так и лица, пожалованные за службу, в том числе выходцы из родственных татарских государств, и члены ханской семьи. Кроме того, как отдельная категория выделялись феодалы, которые управляли улусами на основании их завоевания, что было не совсем очевидно по приведенным примерам, в частности князя Епанчи. Для историка было важно то, что именно через них осуществлялась власть над подчиненным населением улусов [3. С. 155–156].

При этом был также не ясен критерий отнесения к родовым или служилым владельцам улусов, например, Чин-мурза Иль-мурзин сын Юсупов был выходцем из Ногайской орды, но автор считал его именно представителем «туземной» знати. В качестве отдельной категории была выделена именно служилая знать, которая имела титул «ясаулов» (блюстителей порядка), опять же указывая, что и среди них могли быть племенные князьки, например аялыньских или барабинских татар [3. С. 156]. Таким образом, состав феодалов оказывался весьма запутанным, при этом автором (особо отметим – как и последующими историками) так и не был раскрыт конкретный механизм функционирования местной власти. Значительное место в авторской реконструкции имел вопрос сохранения местными аристократами определенных титулов в период вхождения в состав Российского государства, что, однако, не позволяло путем ретроспективного подхода реконструировать именно ситуацию XVI в.

По всей видимости, С.В. Бахрушин одним из первых предпринял попытку реконструировать чины ханского двора. Первое место среди них занимал ка-

рача («думчий царев» русских летописцев), которого сам исследователь сравнивал с визирем. На втором месте были аталаки (дядьки, воспитатели) [3. С. 156]. Интересно то, что общий рост влияния аталыков был в целом характерен для чингизидской государственности XVI в. [4. С. 111]. По всей видимости, для С.В. Бахрушина не стоял вопрос об организации государственной власти в ханстве, его решение подменялось изучением вассально-сеньориальных отношений, в том числе на примере соотнесения с известными и теоретически обоснованными феодальными образцами. Несмотря на это, как мы увидим далее, за редким исключением схема этого историка оказала большое влияние на последующую историографию [5. С. 29].

Пять лет спустя, в 1960 г., в книге З.Я. Бояршиновой указывалось, что «Сибирское ханство состояло из мелких улусов, возглавляемых беками или мурзами, который находились в той или иной степени зависимости от верховного правителя ханства» [6. С. 113], как далее уточняется в служебно-вассальном положении. При этом, по ее мнению, аппарат государственной власти ханства не был сложным, и состоял из хана, который направлял в улусы ясаулов, вельмож – советников хана и карачи (визиря). Кроме того, существовал небольшой штат сборщиков ясака в лице даруг. При этом З.Я. Бояршинова пыталась уточнить конкретные обязательства улусных владельцев в отношении ханов, выражавшиеся в участии вместе с военными отрядами в походах ханов и передаче части ясака (которую автор, видимо, сравнивал с дарами) с людей своего улуса. Причем внутри улусов беки и мурзы сохраняли независимость в организации административно-полицейского управления, куда ханская власть не вмешивалась [6. С. 114]. Автор также перечисляет значительное число укрепленных городков, которые считает не просто центрами улусов, но и административными и военно-опорными пунктами феодалов Сибирского ханства. При всей схожести идей двух классиков сибиреведения З.Я. Бояршинова впервые пыталась писать именно о государственной власти в Сибирском ханстве, а не только системе местного управления и ханском дворе. По сути, эта схема дословно вошла в соответствующий раздел пятитомной «Истории Сибири» [7. С. 364–365], долгое время являвшейся наиболее авторитетным исследованием региона.

Еще в 1996 г. казахский историк М. Абдиров отчасти опирался на эту схему, хотя и насытил ее конкретными именами. При этом он пошел еще на одну «ступеньку» дальше, поскольку предположил, что государственное управление ханства было аналогично «государству кочевых узбеков» Абу-л-Хайра или Ногайской Орде, но при заметном влиянии Бухарского ханства. На основании этой аналогии он предположил наличие в Сибири при Кучуме дивана, реконструировал функционал карачи (главного визиря), обратил внимание на сферу ответственности аталыков. Интерес представляет то, что он уравнивал есаулов и даруг, которые должны были реализовывать решения дивана. По его мнению, они были домашними слугами хана, собиравшими ясак, считавшими военную добычу и исполнявшими административные

поручения. Причем именно есаулы во многом перешли к русским воеводам после поражения Кучума, сохранив при этом свои земли [8. С. 49–50]. В административный аппарат также входили кази, жаршы и би. Отметим, что в документах по истории Сибирского ханства, в отличие от государств более раннего времени, не упоминается диван как особый орган управления, что явно свидетельствует о упрощении политической системы, неизвестны жаршы, а положение биев, которые чаще всего были ногаями, явно было более сложным. Кроме того, автор, как и некоторые последующие исследователи, явно недоучитывает того, что некоторые обязанности в рамках внешней и внутренней политики могли выполнять не только перечисленные лица, но и служилые татары, находившиеся при ханском дворе [9. С. 127–129]. Работа М. Абдирова, по сути, знаменовала собой последнюю попытку реконструкции политического устройства Сибирского ханства именно в русле предшествующих историографических традиций.

Исследование этого вопроса было продолжено уже в 2000-е гг. казанским этнологом и историком Д.М. Исхаковым. Идеи автора были развиты в цикле его статей, которые, по сути, впервые ставили вопросы сибирской государственности, дипломатики, атрибутов и символов власти как особых научных проблем. Он исходил из принципиального сходства государственности тюрко-татарских ханств XV–XVI вв. и сохранении в них соответствующих традиций Улуса Джучи, о чем отчасти писал и М. Абдиров. Благотворной была и идея сквозного анализа всей шибанидской традиции государственности. Использование гипотезы Ю. Шамильоглы о клановых структурах и системе четырех карачи-беках позволили по новому взглянуть и на казалось бы известную систему управления Сибирского ханства. В результате были выявлены клановые аспекты государственности, подняты проблемы взаимоотношений хана и клановых элит, пересмотрена сущность дивана как собрания высшей знати и его руководителя «думного», а также обращено внимание на возможное наличие в Сибирском ханстве Кучума карачи-беков во главе с беклярибеком. Причем Д.М. Исхаков впервые предложил рассмотреть известных беков из Тайбугидов не как независимых сибирских князей, а именно как клан беклярибеков при ханах, а события 1563 г. как смену этого клана. Кроме того, был значительно расширен перечень мусульманского духовенства при дворе [10. С. 151–152; 11. С. 190–196; 12. С. 52–54]. В результате схема государственности обросла многими новыми подробностями. Эти идеи, хотя и при определенном влиянии С.В. Бахрушина, например относительно преувеличенной численности и роли тарханов, были развиты З.А. Тычинских, подчеркивающей наследие в системе управления наследия Улуса Джучи [13. С. 33–34, 127–132].

В целом высказанные Д.М. Исхаковым идеи о государственном устройстве подтолкнули дальнейшую дискуссию. При этом до сих пор никем не оспорено его основное открытие относительно функционирования в Сибирском ханстве системы четырех карачи-

беков. Проблема заключается в том, что в имеющихся источниках по сибирской истории упоминается фигура «думного его карачи» и его люди [14. С. 85]. Однако нигде, кроме довольно поздних этнографических параллелей, не указывается именно на наличие четырех карачи-беков, как это однозначно следует из материалов Крымского и Касимовского ханств. В данном случае даже указание на «сибирских людей» или «лучших сибирских людей», которые пригласили на искерский престол Ахмад-Гирея или приложили руки к грамоте Кучума в Москву в 1571 г. [15. С. 370; 16. С. 64], могут в зависимости от ситуации интерпретироваться и как совет карачей, и как своеобразный съезд сибирской знати, напоминающий более ранние курултаи. При этом ни в одном случае нет конкретного указания на состав этого совета. На данный момент остается не ясным, насколько идеи Ю. Шамильоглы работают именно для шибанидской традиции государственности.

Одной из самых оригинальных попыток реконструкции сибирской государственности является цикл работ двух омских археологов С.Ф. Татаурова и А.В. Матвеева. Обострение дискуссии по различным аспектам истории Тюменского и Сибирского ханств и появление центров обсуждения этой проблемы в Казани, Кургане, Омске и Тюмени показали, что письменные источники постепенно могут быть исчерпаны, а многие авторы занимаются реинтерпретацией уже известных текстов. Актуален был поиск новых путей исследования, при этом было понятно, что одним из очевидных было именно усиление археологических работ на памятниках позднего средневековья. Уже в 2009 г. указанные авторы написали статью «Сибирское ханство Кучума царя. Некоторые вопросы государственного устройства». Впервые были подняты вопросы организации охраны границ, в том числе при помощи строительства городищ, и создания государственной сети сообщения. Важным было и возвращение к обсуждению вопроса об административно-территориальном устройстве ханства. Было не только констатировано деление государства на улусы, а их в свою очередь на юрты, но и определены центры улусов, что позволило локализовать административные центры местного управления [17. С. 112–117].

Еще более предметно данный вопрос был рассмотрен в совместной монографии этих авторов «Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории». А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров верно отметили, что в 1560–1570-е гг. существенно расширились границы ханства, что и требовало создания соответствующей хорошо структурированной и эффективной системы административно-территориального управления, которое должно было стать «становым хребтом государства» [18. С. 126]. Авторы закономерно указали, что имеющиеся у историков подходы по этому вопросу не учитывают именно сибирскую специфику периода ханства, в том числе быстрое и масштабное расширение территории за пределы расселения как тюменских и тобольских татар, так и татар вообще. Это с очевидностью требовало отработки множества сценариев организации местной власти. При этом сложно согласиться с предположением о том, что са-

мому Кучуму не было места в устоявшемся административном аппарате по причине отсутствия у него земли и родового клана [18. С. 129]. Очевидно, что он как хан из Шибанидов автоматически занимал верховное место в иерархии по праву генеалогии и собственно приглашения сибирскими людьми.

А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров предположили, что в ханстве могло существовать три разных формы взаимодействия центральной и местных властей. Первая схема функционировала в землях бывшего Сибирского княжества, которые отчасти были поставлены под прямой контроль хана, его родственников и сподвижников (султанов, карачи, аталыков). Здесь же формировались пожалованные владения сартов, ногайских и казанских князей и мурз, а также продолжали функционировать улусы исконных владельцев из числа тюменских и тобольских татар. Они должны были выполнять военные обязанности, полицейские функции, собирать ясак на присоединенных территориях, содержать укрепления крепостей. При этом крупные улусы делились на владения сотников или есаулов [18. С. 130–131]. Вторая схема действовала в Барабе и Томском Приобье, где проживало тюркоязычное население, элита которого, заинтересованная в противодействии калмыкам, заключила союзнические договоры о военной взаимопомощи с Кучумом. В результате они сохранили свои владения, хотя в главном населенном пункте таких «провинций» сидел ханский наместник. Население платило ясак, содержало построенные ханом приграничные крепости и, возможно, пути сообщения. При этом на тех землях, где подобного населения было мало, могли расселяться лояльные роды татар во главе со служилой знатью из князьцов и есаулов [18. С. 132–133]. Третья схема реализовывалась в Зауралье и Нижнем и Среднем Прииртышье, где проживали ханты, манси и смешанное угро-тюркское население. Здесь были построены городки для контроля населения, сбора с него ясака и возможного дальнейшего расширения территории, расселены небольшие группы лояльного населения со служилой знатью [18. С. 134–135]. В результате этих реформ должна была укрепиться ханская власть, а также сформироваться лояльная верховному правителю группа аристократии. Сложившаяся система оказалась вполне жизнеспособной, что и привело к ее сохранению при русских. При этом на самом деле не во всем ясна разница между второй и третьей схемой, поскольку часть угорских вождей явно сохраняли свою власть, в частности в союзном Кучуму Пелымском княжестве [19. С. 52]. По сути, как местная тюркская, так и угорская знать в той или иной степени платили налог как пушниной, так и кровью. К сожалению, следует признать, что археология не может установить точные схемы взаимодействия местной и центральной власти. При этом авторы абсолютно верно поставили саму исследовательскую задачу – формирование и взаимоотношения центральной и местной власти, изучение которой на теоретическом уровне было продолжено С.А. Чернышовым [20. С. 82–83].

В дальнейшем С.Ф. Татауров в своих статьях попытался реконструировать в целом государственные институты Сибирского ханства на осно-

вании их отражения в археологических материалах [21. С. 575–583; 22. С. 352–362]. Им были выявлены специфические воинские погребения, которые могли быть связаны именно с представителями служилой знати, различные варианты перстней-печатей, особые наконечники стрел, использовавшиеся в системе символического управления, и некоторые другие элементы. Представляется, что совместные работы историков и археологов могут дать весьма интересные результаты в изучении институтов управления ханства.

В 2012 г. свою схему системы государственной власти Сибирского ханства на основе письменных, в том числе архивных, источников предложил московский историк В.В. Трепавлов. К этому времени стало понятно, что историю этого царства нельзя ограничивать периодом похода Ермака, отдельные механизмы продолжали функционировать до поражения Кучума в 1598 г. и даже времени правления Али б. Кучума. По мнению исследователя, самым высокопоставленным лицом в Сибирском ханстве после самого хана был беклярибек в лице племянника Кучума Мухаммед-Кула, а после его пленения – ногайский мирза Али б. Ураз-Мухаммед [19. С. 21, 41]. Несмотря на логичность этой версии, на самом деле первый из них известен только как ведущий полководец, а второй – лишь как правитель нескольких улусов на Иртыше в 1590-х гг. [19. С. 42]. Источники не позволяют однозначно утверждать их статус именно как беклярибеков, хотя в силу самой традиции отношений Шибанидов и Едигеевичей это было бы логично. Традиционно для сибирской государственности рассматривается следующая после него фигура анонимного карачи-бия, который, как правило, отождествляется с Кадыр Али-беком джалаиrom. Ранее А.В. Беляков уже писал о том, что этот человек, судя по всему, не был сибирским карачей [23. С. 63–64]. Его появление в Сибирском юрте следует связывать с приходом сюда казахского царевича Ураз-Мухаммеда, при этом среди казахов джалаиры действительно занимали важное место. В какой-то момент Кадыр Али-бек, попавший в русский плен и оказавшийся в Касимове участником церемонии интронизации Ураз-Мухаммеда, просто заместил собой в исторической литературе фигуру реального сибирского карачи-бека. При этом карача действительно занимал важнейшее место в системе управления, обеспечивая ханское войско амуницией и контролируя всю систему налогообложения в ханстве [19. С. 22]. В.В. Трепавлов также реконструировал состав двора Кучума и Кучумовичей, еще раз обратив внимание на усиление позиции аталыков и административный функционал хафизов-абызов [19. С. 132–133], которые, видимо, были ведущими администраторами на остатках Сибирского ханства. Очевидно, что сохранение дворами Кучумовичей определенных внешнеполитических функций предполагало и наличие при них писцов-биткичи или толмачей, которые участвовали в работе канцелярии или дивана [9. С. 126].

Абсолютно неожиданной оказалась возможность посмотреть на состав придворного окружения Кучумовичей, оказавшегося в Московском государстве в результате пленения или выездов. Документы по ис-

тории Сибирского ханства в целом позволяют реконструировать состав двора хана и султанов, куда входили те же лица, что присутствовали затем при дворах выезжих царевичей: аталыки, имелдеши, кормилицы, князья, мирзы, казаки, толмачи, сеиды, абызы, возможно, и некоторые другие категории. Однако, большинство этих категорий, кроме представителей двух последних, в самой Сибири чаще всего абсолютно обезличены, в то время как в Московском государстве они могут быть привязаны к конкретным именам. А.В. Беляков недаром указывает, что «сибирские цари и царевичи долгое время стремились сохранить, по возможности, привычный для них круг общения, собирая вокруг себя тех, кого они знали еще по Сибири, или же их потомков» [24. С. 399]. Хотя следует учитывать, что с учетом абсолютно других задач дворов выезжих Кучумовичей выполняемые такими людьми функции могли быть несколько иными, чем в Сибири.

В целом перечисленными подходами ограничиваются попытки установить специфику государственного устройства Сибирского ханства. С одной стороны, за более чем 50 лет изучения исследователи от попыток переноса на сибирские реалии теории феодализма перешли к пониманию, что аналогии нужно искать именно в ордынском наследии. С другой стороны, в результате некоторым из предложенных схем не хватает понимания именно местной специфики, выявление которой крайне затруднено слабостью источниковой базы. По сути, на данный момент с определенной долей условности реконструирован аппарат управления (хан, беклярибек, карача или совет карачей), выявлены различные схемы взаимоотношений центральной и местной власти, определен состав дворов Кучума и Кучумовичей.

Вопросы правового развития Сибирского ханства освещены в исследованиях по истории этого государства весьма скудно, что, по всей видимости, также объясняется отсутствием значительного числа исторических источников, оставшихся от этого государства. В связи с этим авторы, которые все же обращаются к правовым аспектам истории этого государства, вынуждены либо привлекать более поздние источники, причем даже не происходящие из Сибирского ханства, либо же строить предположения на основе косвенных сведений источников. Кроме того, в ряде случаев исследователи, не вполне четко представляя политические и социально-экономические реалии Сибирского ханства, а также не владея в достаточной степени необходимой историко-правовой терминологией, допускают ошибки, которые не всегда могут быть осознаны теми, кто привлекает работы таких авторов в рамках собственного изучения истории Сибирского ханства, в том числе и его государственности и права. Ниже мы намерены рассмотреть основные аспекты правового развития этого государства, нашедшие отражение в трудах упомянутых исследователей, попутно указав на основные ошибки, допускаемые ими.

Прежде всего, следует обратиться к вопросу об источниках права Сибирского ханства. Исследователи не без основания полагают, что это государство, являясь преемником Золотой Орды в политическом и государ-

ственном отношении, аналогичным образом унаследовало и основы ее правовой системы, которая в свою очередь была позаимствована из Монгольской империи. Однако следует учитывать, что уже в поздней Золотой Орде (вторая половина XIV–XV вв.) начинается процесс стагнации правового развития, в результате чего высокоразвитая и многоуровневая система права, существовавшая в этом государстве, в известной степени подверглась деградации. Малочисленность источников по истории Сибирского ханства и опора на точечные сведения позволили исследователям сделать вывод о значительной степени децентрализации власти в этом государстве (которое в интерпретации современных авторов предстает конгломератом автономных княжеств со слабыми административными связями) и о том, что население его было преимущественно кочевым и занималось в основном кочевой охотой [25. С. 21; 26. С. 321]. В связи с указанными выше различиями в организации системы местного управления и присоединением к Сибирскому ханству значительных территорий понятно, что не везде были какие-либо предшествующие ордынские традиции, а тем более невозможно было их оперативно распространить. Очевидно, что на вновь присоединенных землях сохранялись именно местные правовые обычаи.

Тем не менее, безусловно, в Сибирском ханстве действовал ряд источников золотоордынского права, применение которых не только было необходимо, но и отражало преемство этого государства от Улуса Джучи, эпохи его расцвета и, следовательно, подчеркивало легитимность претензий сибирских монархов на ордынское политическое и экономическое наследие.

Соответственно, правовыми актами, обладавшими высшей юридической силой, в Сибирском ханстве (как и в Золотой Орде, и в других постордынских государствах) являлись ярлыки – ханские указы. Исследователи неоднократно обращались к изучению многочисленных документов этого вида, сохранившихся до нашего времени. Это неоднократно публиковавшиеся ярлыки ханов Ибрахима (Ибака) конца XV в., хронологически относящиеся к предшествующему этапу сибирской государственности, и Кучума второй половины XVI в. Правда, эти дошедшие до нас документы, строго говоря, являются не столько правовыми, сколько дипломатическими актами, поскольку представляют собой послания московским государям. Исследовавший их А.Г. Нестеров (2004) специально подчеркивает, что эти акты, по-видимому, носили название не «ярлык», а «хатт-наме» или «созюм» («слово»). Тем не менее ряд исследователей (в частности, Х. Атласи, А.П. Григорьев, А.Г. Нестеров и др.) обращаются к анализу этих документов, правда, в большей степени используя их как источник по политической истории и международным отношениям Сибирского ханства [27. С. 48–50; 28. С. 176–178; 29]. А.К. Бустанов осуществил подробный комплексный анализ этих актов, исследовав обстоятельства их появления, классифицировав их с точки зрения дипломатики и выявив схожесть в их формуляре с актами Золотой Орды и других чингизидских государств [30. С. 15–50].

Таким образом, упомянутые документы не рассматриваются исследователями как источник права, хотя и позволяют сделать некоторые выводы относительно ярлыков как разновидности юридических источников Сибирского ханства. Во-первых, несомнен сам факт издания таких правовых документов сибирскими монархами [31. С. 121–122]. Во-вторых, косвенные сведения источников позволяют предполагать, что ярлыки выдавались сибирским чиновникам и дипломатам в качестве подтверждения их статуса и полномочий, а также купцам, осуществлявшим внешнеторговую деятельность [30. С. 28; 31. С. 247]. Анализ сведений исследователей, которые мы проведем несколько ниже, подтверждает, что именно ханскими ярлыками жаловали сибирские ханы и звание тарханов.

Также нельзя не учитывать тесные связи Сибирского ханства с Бухарским ханством (особенно во второй половине XVI в.), что наводит на мысль о влиянии среднеазиатской правотворческой и канцелярской традиции на сибирскую правовую систему. В первую очередь это отразилось на использовании «бухарского» формуляра ханских ярлыков (который в свою очередь имел первоосновной ярлыки ханов Монгольской империи), возможно, что и на использовании других видов правовых актов, широко применявшихся в Бухарском ханстве; заимствование бухарских традиций объясняется, по-видимому, тем, что с Кучумом в Сибирь пришли чиновники (писцы-битикчи) из Бухары. Также позволим себе высказать осторожное предположение, что источником права в Сибирском ханстве могли являться и непосредственно ярлыки Бухарского ханства периода Абдаллаха II. Во-первых, он в целом был одним из наиболее влиятельных Шибанидов конца XVI в. (хотя, конечно, версия о его сюзеренитете над Сибирским ханством скорее дань еще одной историографической традиции). Во-вторых, сами сибирские Шибаниды имели владения в присырдарьинском или приаральском регионе, находясь под влиянием соответствующей политико-правовой традиции [32].

Изучение ярлыков и посланий сибирских ханов (и бухарских ярлыков в Сибирь), как представляется, дает возможность рассмотреть внешнюю политику Сибирского ханства в международно-правовом аспекте. Специального исследования этого аспекта с историко-правовой точки зрения, насколько нам известно, до сих пор не проводилось, а между тем, оно позволило бы внести некоторые коррективы и в наше представление о статусе Сибирского ханства на международной арене и особенностях его государственного развития.

Отсутствие источников не позволяет сделать однозначного вывода о распространении такого источника права, как мусульманское право – шариат. Еще Г.Ф. Миллер в свое время отмечал, что усилия сибирских монархов (и в особенности Кучума) в обращении сибирского населения в ислам не принесли значительных результатов [33. С. 194–195]. В результате и во второй половине XVI в. ислам оставался религией верхушки [8. С. 52]. Тем не менее нельзя не отметить, что в Сибири, наряду со светскими сановниками и чиновниками, появились также высокопоставленные

представители мусульманского духовенства (из Бухары и Хорезма). Исследователи полагают, что при Кучуме существовал пост шейх-ул-ислама, традиционно являвшегося верховным судьей по шариату в мусульманских государствах, в том числе и чингизидских, а также действовали судьи-кади (казии) [8. С. 50; 34. С. 77; 35. С. 173–175]. Об их статусе и масштабах деятельности сведений нет (исследователи исходят из того, правосудие по определению входило в их компетенцию [10. С. 167–168]), тем не менее упоминание этих должностей дает основание считать, что шариат являлся одним из источников права Сибирского ханства. Кроме того, в частности, исследователь обычного права сибирских татар Г.Т. Бакиева отмечает, что это право традиционно именовалось адатом [36. С. 6]. Употребление этого термина свидетельствует о распространении среди сибирских татар мусульманского права, поскольку именно в таких условиях обычное (немусульманское) право обозначалось им.

Важным источником в условиях отсутствия централизации власти в Сибирском ханстве (и, следовательно, практической невозможности создания общегосударственного права для регулирования правоотношений в отдельных регионах Сибири) является обычное право сибирских племен – татар, остяков, вогулов и пр. В отличие от других источников права Сибирского ханства, это право (отдельные принципы и нормы которого сохраняли действие и в XVIII–XIX вв.) неоднократно привлекало внимание исследователей – в дореволюционный период – ученых XVIII в. И.Г. Георги, П.С. Палласа и историков права XIX – начала XX в. Д.Я. Самоковсова и Д.Е. Лаппо, сегодня им предметно занимается Г.Т. Бакиева.

В частности, такие обычно-правовые институты, как брак и развод, опека и попечительство, наследование, вполне могут иметь происхождение из времен Сибирского ханства и даже более ранних [36. С. 73–115; 37. С. 41–45]. Тогда как организация низовых судебных инстанций в XVIII–XIX вв., разрешение земельных споров и в особенности уголовных преступлений [36. С. 14–69, 115–141; 38. С. 3, 6–7, 14–16], несомненно, испытали существенное влияние не просто российского (царского), но и имперского законодательства. Именно в этих сферах имперские власти старались прежде всего приобщить жителей национальных окраин к российскому законодательству; особенно же эти процессы активизировались в условиях реформ права и суда – в частности, в эпоху Екатерины II, а затем и Александра II.

Любопытно отметить также, что, давая характеристику обычного права «сибирских инородцев», исследователи одновременно рассматривают и собственно правовые (преступления и наказания, мелкие правонарушения, суд и виды доказательств, статус «начальников», т.е. выборных предводителей), споры об имуществе и долговых обязательствах и пр.) и бытовые обычаи (свадебные и погребальные обряды, рождение детей, врачевание), а также отдельные религиозные обряды [38. С. 1–24]. Подобное вполне объяснимо при характеристике обычаев учеными XVIII в., ставившими целью общее, преимущественно этнографическое, описание народов Сибири (как

П.С. Паллас или И.Г. Георги), но для историков права подобный подход представляется странным. По нашему мнению, он может объясняться тем, что исследователи XIX в. тем самым старались подчеркнуть несовершенство обычного права «сибирских инородцев» и подготовить как имперские власти, так и самих носителей правовых традиций к дальнейшему распространению на последних норм общеимперского законодательства.

Тем не менее сомневаться в том, что обычное право сибирских народов являлось действующим и широко распространенным правом в Сибирском ханстве, не приходится. И, на наш взгляд, именно в этой сфере имеются наибольшие перспективы дальнейших междисциплинарных исследований с учетом уже имеющихся наработок источниковедов, этнографов, историков права. Представляется целесообразным соотнести сведения об обычном праве сибирских народов XVIII–XIX вв. с информацией об обычном праве кочевых тюрко-монгольских народов более ранних эпох, что и позволит понять, какие правовые обычаи существовали в Сибири издавна, а какие возникли (или существенно трансформировались) под влиянием российского имперского законодательства.

Сфера налогообложения является, наверное, одной из наиболее часто привлекающих внимание исследователей, однако и при ее изучении вновь возникает основная проблема – отсутствие достаточного количества источников.

Опираясь на сведения о Сибирском ханстве, исследователи полагают, что основным налогом в нем являлся ясак, т.е. законно установленный сбор в пользу властей, справедливо видя в этом термине некое обобщающее название системы различных налогов, перешедшей в Сибирское ханство еще из Золотой Орды [26. С. 321; 39. Р. 25, 32, 42]. Впрочем, некоторые авторы приписывают введение ясака Кучуму, считая именно его заслугой настолько тщательно разработанную систему налогов и сборов, что русским властям после завоевания Сибири даже не пришлось ее менять [8. С. 47]. Согласиться с таким утверждением, безусловно, нельзя, хотя государство Кучума в целом и представляется более организованным, нежели Сибирское ханство на более ранних этапах своего существования. Ясак в Сибирском ханстве (а затем и в Сибири в составе Российской империи вплоть до начала XX в.) оставался натуральным налогом и мог представлять собой определенное количество мехов (соболя, белки и пр.), рыбы и пр. [6. С. 114; 10. С. 147–148; 40. С. 4]. Единицей налогообложения считалась ясачная волость, которая, по-видимому, во времена ханства обозначалась термином «улус» [41. С. 6; 42. С. 234]. И хотя сами же исследователи признают, что, помимо ясака, «о других платежах и повинностях населения ханства мы ничего не знаем», отдельные наблюдения заслуживают внимания [34. С. 85–86].

Думается, что к числу наиболее ценных наблюдений исследователей в сфере налоговых правоотношений в Сибирском ханстве следует отнести разнообразие форм и видов налогов и повинностей в разных регионах этого государства в зависимости от особен-

ностей их экономической специализации. Еще С.В. Бахрушин обращал внимание на то, что одни ясачные волости сдавали налог мехами, другие рыбой, а отдельные – даже медом и охотничьими кречетами [3. С. 157; 8. С. 46; 43. С. 17]. Д.Н. Маслюженко и С.Ф. Та-тауров высказывают предположение, что продукция, поступавшая в ханскую казну в качестве налогов, зависела также и от того, в какой сезон осуществлялся налоговый сбор: осенью собирали продовольственный («кормовой») ясак, а весной – меха [26. С. 325; 44. С. 142].

Помимо систематических взимаемых налогов из Золотой Орды в Сибирское ханство перешли также и отдельные виды чрезвычайных сборов. К ним относятся дары, которые должны были преподносить жители селений представителям правящего рода и местным правителям, когда последние проезжали через их местность. При этом подданные сибирских ханов прекрасно осознавали «эпизодический» характер подобных сборов, поэтому попытки превращения их в постоянный сбор вызывали волнения [43. С. 45]. Поздние проявления практики такого сбора В.В. Трепавлов видит уже в эпоху «казацествующих Кучумовичей» уже в первом десятилетии XVII в.: они либо сами приезжали, либо направляли своих чиновников к земледельцам с требованием предоставить их хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию [26. С. 325–326]. На наш взгляд, впрочем, можно увидеть в этом попытку восстановления потомками Кучума (претендовавшими на власть в уже фактически павшем Сибирском ханстве) тагара, т.е. постоянного налога с земледельцев; эпизодичность же его сборов объясняется образом жизни «бродячих царевичей».

Наряду с налогами существовали также и повинности. Главной из них, безусловно, была воинская, которую должны были нести как представители знати, так и «черные люди», т.е. налогоплательщики [3. С. 157; 6. С. 113; 44. С. 142; 45. С. 173]. В эпоху Кучума, когда на границах ханства были возведены укрепленные сторожевые городки, к обязанностям населения окрестных селений прибавилось также содержание их гарнизонов [18. С. 66–67].

К числу наиболее распространенных ошибок при изучении налогово-правовых отношений (причем не только Сибирского ханства, но и Золотой Орды, и других чингизидских государств) является неправильная характеристика тарханов – лиц, обладающих налоговым иммунитетом. Несмотря на то что в разное время исследователи посвящали специальные работы институту тарханства, в которых подробно, опираясь на конкретные примеры и привлекая юридические памятники, характеризовали его правовую природу [46–48], современные авторы продолжают упорно считать тарханов представителями знати. Так, М. Абдилов, говоря о разделении подданных хана Кучума на «черных людей» и «тарханов», включает в число последних «всевозможных мурз, беков, огланов и пр.», по сути повторяя предложенную за 40 лет до этого схему С.В. Бахрушина [3. С. 155; 8. С. 44]. З.Я. Бояршинова относит тарханов к числу ханских чиновников, которые сами обладали правом сбора налогов [6. С. 113]. По мнению Г.Л. Файзрахманова,

ханы жаловали тарханство бекам и мурзам, которые добровольно признавали их власть [45. С. 173].

Между тем нам уже приходилось подчеркивать, что представители знати не платили налоги уже в силу своего происхождения, тогда как тарханы освобождались от уплаты лишь на основе специальных ханских ярлыков. Возвышение же отдельных тарханов и вхождение их в сановную элиту происходило в силу политических особенностей, не будучи распространенной практикой [31. С. 155–157]. Так, С.В. Бахрушин упоминает существование в Сибирском ханстве эпохи Кучума некоего «Тархан-мирзу», т.е., вероятно, тархана (или потомка тарханов), возвысившегося и приобретшего аристократический статус [3. С. 157].

Впрочем, другие исследователи приводят более корректную информацию о тарханах в Сибирском ханстве, и их сведения позволяют сделать некоторые выводы о специфике этого института в государствах Шибанидов (включая Тюменское и Сибирское ханства и до некоторой степени даже Бухарское ханство в XVI в.). Так, З.А. Тычинских вслед за С.В. Бахрушиным и З.Я. Бояршиновой отмечает, что сибирские тарханы должны были нести воинскую повинность и, по ее мнению, именно из них впоследствии происходят служилые татары [13. С. 33–34]. Учитывая, что в монгольский имперский и золотоордынский периоды тарханство жаловалось за уже оказанные государству услуги и не предполагало последующих обязанностей обладателей этого титула, можно отметить, что в постордынский период сама его природа начинала претерпевать некоторые изменения, хотя число тарханов в Сибирском ханстве было невелико и только для одного из них выявляются конкретные военные обязанности. Небольшая численность тарханов привела к забвению этого института [49. С. 71–74]. Его восстановление при русской власти в форме пожалования не только служилым татарам, но и представителям местных «аборигенных» княжеств, о чем упоминает Х. Атласи [27. С. 67], могло быть связано с общероссийскими тенденциями. В частности, в Московском царстве и Российской империи тарханство стало жаловаться некоторым влиятельным башкирам и казахам, которые получали налоговый иммунитет, но также обязаны были нести военную службу за свои привилегии [31. С. 160, 165].

Соответственно, еще одним перспективным направлением в исследовании права Сибирского ханства (с учетом имеющихся источников и научных разработок) представляется систематизация информации о налогово-правовых отношениях. В частности, следует осуществить подробную классификацию налогов и сборов с учетом их происхождения (традиционные тюрко-монгольские, заимствованные из имперского законодательства или, возможно, еще доимперского обычного права, и мусульманские), объекта налогообложения, «налоговых агентов» (т.е. тех, кто осуществлял сбор – ханские чиновники или сами представители местных властей). Междисциплинарный подход может помочь более предметно изучить особенности налогообложения в конкретных регионах Сибирского ханства с учетом их географической и хозяйственной специфи-

ки, тем более, что большой шаг на этом пути уже сделан исследователями, как отмечалось выше.

Наконец, еще одним направлением в изучении правового развития Сибирского ханства является государственное регулирование торговой деятельности. Несмотря на отсутствие документальных свидетельств, косвенные свидетельства позволяют исследователям назвать некоторые принципы такого регулирования. Во-первых, купцы, осуществлявшие внешне-торговую деятельность, как уже упоминалось выше, вероятно, получали ханские ярлыки: факт их выдачи означал не только получение права торговать с соседними государствами, но и то, что они находились под покровительством хана и могли рассчитывать на его защиту в случае попадания в неприятную ситуацию во время осуществления своей торговой деятельности за рубежом [10. С. 184–185; 31. С. 247].

По мнению В.В. Трепавлова, опирающегося на сообщения сибирских летописей, в ханстве Кучума взимался торговый налог тамга [26. С. 325; 50. Р. 62–63]. Впрочем, других сведений о существовании в Сибирском ханстве такого налога мы не имеем, поэтому можем с равной степенью вероятности предположить, что Кучум, стремившийся распространить ислам в своем государстве, мог отказаться от сбора тамги и заменить его фактическим мусульманским аналогом – зякетом.

В рамках развития торговли можно упомянуть особую повинность, существовавшую в Сибирском ханстве, – обязанность населения поддерживать в порядке систему торговых маршрутов, т.е. дорог, бродов, мостов. Исследователи делают вывод о ее существовании на основе имеющихся данных письменных источников и даже фольклорных материалов [18. С. 137, 143; 51. С. 30]. Впрочем, вряд ли можно отнести эту повинность именно к инициативам сибирских ханов (и Кучума в частности): о ее существовании в Улусе Джучи известно еще по золотоордынским ярлыкам, и в заслугу сибирским ханам можно поставить лишь то, что они не отказались от этой практики в своем государстве.

Совсем отрывочные сведения имеются о частно-правовой жизни населения Сибирского ханства, что заставляет исследователей делать прямо противополо-

жные выводы по некоторым вопросам. Так, Б.А. Ахмедов, опираясь на изыскания С.Е. Толыбекова о «кочевом феодализме», утверждает, что понятие частной собственности на землю в Сибири отсутствовало [52. С. 91–93]. А Г.Л. Файзрахманов, напротив, полагает, что в Сибирском ханстве существовала частная собственность на землю, и сам хан Кучум являлся таким же частным собственником, как и его подданные [45. С. 155]. Впрочем, в пользу последнего мнения отчасти свидетельствует упоминание исследователями обычного права народов Сибири правовых обычаев, на основе которых местное население решало свои земельные споры [36. С. 130–131]. Некоторые сведения имеются о семейно-правовых отношениях – в частности, о том, что практиковалась покупка жен (исследователи обычного права также упоминают о калыме) [43. С. 24; 38. С. 2–3]. С.В. Бахрушин также отмечает существование у остяков накануне российского завоевания холопства [43. С. 35]. Это позволяет высказать предположение о существовании долгового рабства в Сибирском ханстве, при этом, например, Д.Я. Самоквасов упоминает, что «время для взыскания долгов не означено, хотя бы протекло тридцать даже лет» [38. С. 21]. Впрочем, как уже отмечалось, подобное изменение к вопросу о долге может объясняться влиянием России, в которой холопство было ликвидировано в XVII в.

Итак, можно констатировать, что хотя специальные исследования, посвященные государственному и правовому развитию Сибирского ханства, отсутствуют, специалисты неоднократно обращались к этой тематике в рамках общих или специальных работ по истории этого государства. В результате их исследований оказался выявлен круг источников, которые могут быть использованы для проведения и более глубокого изучения права Сибирского ханства, намечены основные направления дальнейших исследований, которые представляются наиболее перспективными. Кроме того, выявленные в процессе настоящего исследования историографические ошибки также дают повод вернуться к некоторым ранее изученным вопросам и рассмотреть их с учетом новейших работ в рамках данной тематики, а также с использованием междисциплинарного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трепавлов В.В. Золотая Орда после распада. Воспоминания о единстве // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост. лит., 2011. С. 360–383.
2. Выгодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. Вып. 4. С. 241–270.
3. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. М., 1955. С. 153–175.
4. Почаев Р.Ю. Значение трудов О.Ф. Акимовича для изучения государственного и права Восточного Туркестана XVI–XIX вв. // Письменные памятники Востока. 2016. Т. 13, № 4. С. 109–117.
5. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 276 с.
6. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск: Изд-во ТомГУ, 1960. 152 с.
7. История Сибири. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 535 с.
8. Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы: Жалын, 1996. 176 с.
9. Маслоуженко Д.Н. Состав и функции властной элиты Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2017. Вып. 2 (37). С. 122–130.
10. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2006. 196 с.
11. Исхаков Д.М. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV–XVI вв. // Сибирский сборник. Казань: Яз, 2011. Вып. 1. С. 190–196.

12. Исхаков Д.М. Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Междунар. конф. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011-б. С. 52–58.
13. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань : Фэн, 2010. 288 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. М. : Наука, 1987. 383 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 13: Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. СПб. : Тип. Н.Ю. Скороходова, 1906. 234 с.
16. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М. : Тип. Н.С. Всеволожского, 1819. Ч. 2. 643 с.
17. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство Кучума царя. Некоторые вопросы государственного устройства // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. Вып. 1. С. 112–117.
18. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань : Фэн, 2012. 260 с.
19. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
20. Чернышов С.А. Проблемы отношений центральной власти и региональных элит в Сибирском ханстве накануне русской колонизации // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всерос. (с международным участием) науч. конф. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 82–83.
21. Татауров С.Ф. Государственные институты Сибирского ханства и их отражение в археологических материалах // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 41, is. 3. С. 575–584.
22. Татауров С.Ф. Археологические памятники Сибирских ханств – поиск маркеров государственности // *Золотоордынское обозрение*. 2017. Т. 5, № 2. С. 352–362.
23. Беляков А.В. Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 63–64.
24. Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи в истории России. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2018. 496 с.
25. Нестеров А.Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань, 2002. С. 17–23.
26. Трепавлов В.В. Налогообложение в Сибирском юрте // *Тюркологический сборник 2013–2014. Памяти С.Г. Кляшторного*. М. : Наука ; Вост. лит., 2016. С. 320–330.
27. Атласи Х. История Сибири / пер. с татар. яз. А.И. Бадюгиной. Казань : Татарск. книж. изд-во, 2005. 96 с.
28. Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // *Востоковедение*. 1985. Вып. 11. С. 160–182.
29. Нестеров А.Г. Документы сибирских Шейбанидов XV–XVI вв. // *Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии*. Вып. 4 / под ред. А.А. Бурханова. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2004. С. 280–281.
30. Бустанов А.К. Деньги и письма сибирских ханов: опыт источниковедческого исследования. Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 60 с.
31. Почаев Р.Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань : Татарское книжное издательство, 2016. 311 с.
32. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 229–243.
33. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : Восточная литература, 1999. Т. I. 630 с.
34. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань : Татар. книж. изд-во, 2009. 142 с.
35. Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань : Фэн, 2011. 228 с.
36. Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX века. Новосибирск : Гео, 2011. 214 с.
37. Лаппо Д.Е. Об изучении степного права // *Русская мысль*. 1906. Т. X. С. 36–51.
38. Самоковасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава : Тип. Ивана Носковского, 1876. 284 с.
39. Wizenrath Chr. Cossaks and the Russian Empire, 1598–1725. Manipulation, rebellion and expansion into Siberia. London ; New York : Routledge, 2007. 259 p.
40. Андриевич В.К. История Сибири. Ч. I: Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. СПб. : Тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. 220 с.
41. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири XVII в. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1927. 35 с.
42. Самигулов Г.Х. Тюрки Зауралья к моменту вхождения в состав Московского государства (по письменным источникам) // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток : Дальнаука, 2017. С. 233–237.
43. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогулские княжества в XVI–XVII веках. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 97 с.
44. Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 4. С. 135–150.
45. Файзрахманов Г. История сибирских татар с древнейших времен до начала XX века. Казань : Фэн, 2002. 488 с.
46. Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями (Приложение к IV-му тому Записок Императорской Академии наук. № 6). СПб., 1864. 48 с.
47. Крафт И.И. Султаны, тарханы и бии // Крафт И.И. Из киргизской старины. Оренбург : Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. С. 80–82.
48. Шапшал С.М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию : сб. ст. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.
49. Маслюженко Д.Н. К истории института тарханства в государствах Шибанидов на юге Западной Сибири // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2018. № 10. С. 71–74.
50. Monahan E. The merchants of Siberia: Trade in early modern Russia. Ithaca ; London : Cornell University Press, 2016. 410 p.
51. Самигулов Г.Х. Исторические дороги и их роль в основании слобод и острогов Южного Зауралья XVII века // *Вестник Челябинского государственного университета. История*. Вып. 53. 2012. № 34 (288). С. 30–35.
52. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М. : Наука, 1965. 196 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 октября 2019 г.

The Problem of Studying the State System and Law of the Khanate of Sibir in Russian Historiography

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 145–155.

DOI: 10.17223/15617793/454/17

Denis N. Maslyuzhenko, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: denmas13@yandex.ru

Roman Yu. Pochekaev, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ropot@mail.ru

Keywords: Khanate of Sibir; Turkic-Tatar statehood; traditional law of nomadic peoples; sources on history of Siberia of 15th–17th centuries.

The article analyses the views of Russian researchers on the questions of the evolution of the statehood and law of the Khanate of Sibir. The authors note that the fifty years of studying this problem saw a transition from the efforts characteristic of the Soviet historical science to transfer the theory of feudalism to the Siberian realities to the understanding that the analogies of the state institutions should be searched within the framework of the Horde heritage and its inertia in the post-Horde world (V.V. Trepavlov, D.M. Iskhakov). Despite this positive shift of research focus, the analogy method has led to the situation that some of the proposed schemas lack the understanding of the Siberian specifics, whose detection is difficult because of the poor source base. The efforts to solve these contradictions were made by using neo-evolutional theories in the study of nomadic societies, including archeological studies on the monuments of the Khanate of Sibir used as the materials (S.F. Tataurov, A.V. Matveev). The proposed new approaches allowed reconstructing the administration apparatus as a whole (khan, land assembly, prime minister (bek), qarachi or qarachi union, princes and murzas) and revealing the specific origin and fates of the representatives of the Siberian aristocracy (V.V. Trepavlov, D.N. Maslyuzhenko). Different schemas of interrelations of the central and local powers and their manifestations in the distribution of fortified fortresses were revealed (S.F. Tataurov, A.V. Matveev, S.A. Chernyshov). A new trend in the research was the determination of the composition of the courts of the Kuchum dynasty that happened to be in Muscovy by capture or departure (A.V. Belyakov). In these conditions, Siberian tsarevitches became the center of attraction for other natives of Siberia; this gives new opportunities in the study of the statehood of the Khanate of Sibir when doing micro-historical work with unpublished sources from the Russian State Archive of Ancient Acts. It is this direction that is the most perspective for further work. Within the studies of the law of the Khanate of Sibir, the range of sources has been detected that can be used to conduct a deeper study of legal institutions, in particular, the question of the importance of the real detection of the balance of ordinary and sharia law on its territory has been raised. A special role in the reconstruction of legal institutions belongs to the study of tax relations and the institution of Tarkhanate, connected with it, as well as trade regulation which obviously played a significant role in the history of the Khanate. The historiographical errors revealed during this research give reason to revisit some studied questions taking into account the latest groundwork in the field of the usage of interdisciplinary approach.

REFERENCES

1. Trepavlov, V.V. (2011) Zolotaya Orda posle raspada. Vospominaniya o edinstve [The Golden Horde After the Collapse. Memories of Unity]. In: Klyashtomyy, S.G., Sultanov, T.I. & Trepavlov, V.V. (eds) *Tyurkologicheskiy sbornik. 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological Collection. 2009–2010. Turkic Peoples of Eurasia in the Antiquity and the Middle Ages]. Moscow: Vost. lit., pp. 360–383.
2. Anon. (1958) Vychedgsko-Vymskaya (Misailo-Evtikhievskaya) letopis' [The Vychedg-Vym Chronicle]. In: *Istoriko-filologicheskiy sbornik Komi filiala AN SSSR* [Historical and Philological Collection of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences]. Is. 4. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo. pp. 241–270.
3. Bakhrushin, S.V. (1955) *Nauchnye trudy* [Studies]. Vol. 3. Moscow: USSR AS. pp. 153–175.
4. Pochekaev, R.Yu. (2016) Importance of Works of O.F. Akimushkin for the Study of State and Law of the Eastern Turkestan of the 16th–19th Centuries. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. 13 (4). pp. 109–117. (In Russian).
5. Tomilov, N.A. (1981) *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vv.* [The Turkic-Speaking Population of the West Siberian Plain in the Late 16th – First Quarter of the 19th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Boyarshinova, Z.Ya. (1960) *Naselenie Zapadnoy Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii (Vidy khozyaystvennoy deyatel'nosti i obshchestvennyy stroy mestnogo naseleniya)* [The Population of Western Siberia Before the Start of Russian Colonization (Types of Economic Activity and Social Structure of the Local Population)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Okladnikov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
8. Abdirov, M. (1996) *Khan Kuchum: izvestnyy i neizvestnyy* [Khan Kuchum: Known and Unknown]. Almaty: Zhalyan.
9. Maslyuzhenko, D.N. (2017) Power Elite of the Tyumen and Sibir Khanates: Its Structure and Functions. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya – Perm University Herald. History*. 2 (37). pp. 122–130. (In Russian).
10. Iskhakov, D.M. (2006) *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva. Ocherki* [Introduction to the History of the Khanate of Sibir. Essays]. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
11. Iskhakov, D.M. (2011) O kul'ture gosudarstvennoy zhizni v Sibirskom yurte v XV–XVI vv. [On the Culture of State Life in the Khanate of Sibir in the 15th–16th Centuries]. In: *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection]. Is. 1. Kazan: Yaz. pp. 190–196.
12. Iskhakov, D.M. (2011) [Late Golden Horde Statehood of the Turkic-Tatars of the Siberian Region: In Search of Sociopolitical Foundations]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, Economy and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia]. Conference Proceedings. Kurgan: Kurgan State University. pp. 52–58.
13. Tychinskikh, Z.A. (2010) *Sluzhilye tatory i ikh rol' v formirovaniy etnicheskoy obshchnosti sibirskikh tatar (XVII–XIX vv.)* [Service Tatars and Their Role in the Formation of the Ethnic Community of the Siberian Tatars (17th–19th Centuries)]. Kazan: Fen.
14. Okladnikov, A.P. et al. (eds) (1987) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 36. Moscow: Nauka.
15. Platonov, S.F. et al. (1906) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13. St. Petersburg: Tip. N.Yu. Skorokhodova.
16. Russian State Collegium of Foreign Affairs. (1819) *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy kolegii inostrannykh del* [A Collection of State Letters and Treaties Held by the State Collegium of Foreign Affairs]. Pt. 2. Moscow: Tip. N.S. Vsevolozhskogo.
17. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2009) Sibirskoe khanstvo Kuchuma tsarya. Nekotorye voprosy gosudarstvennogo ustroystva [Kuchum's Khanate of Sibir. Some Issues of the State System]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskie gosudarstva – Medieval Turkic-Tatar States*. 1. pp. 112–117.
18. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2012) *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [The Khanate of Sibir: Military-Political Aspects of History]. Kazan: Fen.
19. Trepavlov, V.V. (2012) *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh* [The Khanate of Sibir After Yermak: Kuchum and the House of Siberia in the Struggle for Revenge]. Moscow: Vost. lit..
20. Chernyshov, S.A. (2017) [The Problems of Relations Between the Central Government and Regional Elites in the Khanate of Sibir on the Eve of Russian Colonization]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, Economy and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia]. Conference Proceedings. Kurgan: Kurgan State University. pp. 82–83. (In Russian).
21. Tataurov, S.F. (2016) State Institutes of the Siberian Khanate and their Reflection in Archaeological Materials. *Bylye Gody*. 41 (3). pp. 575–584. (In Russian).
22. Tataurov, S.F. (2017) Archaeological Monuments of the Siberian Khanates: Search of the Markers of the Statehood. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 5 (2). pp. 352–362. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.352-362

23. Belyakov, A.V. (2014) [What Was the Name of the Big Siberian Qarachi?]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, Economy and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia]. Conference Proceedings. Kurgan: Kurgan State University. pp. 63–64. (In Russian).
24. Trepavlov, V.V. & Belyakov, A.V. (2018) *Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii* [Siberian Princes in the History of Russia]. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko.
25. Nesterov, A.G. (2002) Iskerskoe knyazhestvo Taybugidov (XV–XVI vv.) [The Isker Principality of the Taibugids (15th–16th Centuries)]. In: Suslova, S.V. (ed.) *Sibirskie tatarsy* [Siberian Tatars]. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 17–23.
26. Trepavlov, V.V. (2016) Nalogooblozhenie v Sibirskom yurte [Taxation in the Khanate of Sibir]. In: Skrynnikova, T.D., Sultanov, T.I. & Trepavlov, V.V. (eds) *Tyurkologicheskii sbornik 2013–2014. Pamyati S.G. Klyashtornogo* [Turkological Digest 2013–2014. In Memory of S.G. Klyashtornoy]. Moscow: Nauka; Vost. lit. pp. 320–330.
27. Atlasi, Kh. (2005) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Translated from Tatar by A.I. Badyugina. Kazan: Tatarsk. knizh. izd-vo.
28. Grigor'ev, A.P. (1985) Shibaniy na zolotoordynskom prestole [The Shaybanids on the Golden Horde Throne]. *Vostokovedenie*. 11. pp. 160–182.
29. Nesterov, A.G. (2004) Dokumenty sibirskikh Sheybanidov XV–XVI vv. [Documents of Siberian Shaybanids of the 15th–16th Centuries]. In: Burkhanov, A.A. (ed.) *Vostok-Zapad: Dialog kul'tur Evrazii. Problemy srednevekovoy istorii i arkhologii* [East-West: Dialogue of the Cultures of Eurasia. Problems of Medieval History and Archeology]. Is. 4. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 280–281.
30. Bustanov, A.K. (2011) *Den'gi i pis'ma sibirskikh khanov: opyt istochnikovedcheskogo issledovaniya* [Money and Letters of Siberian Khans: The Experience of Source Study]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing.
31. Pochekaev, R.Yu. (2016) *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoy imperii v tyurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noy Azii* [Genghis Law: The Legal Heritage of the Mongol Empire in the Turkic-Tatar Khanates and Central Asian States]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
32. Belyakov, A.V. & Maslyuzhenko, D.N. (2016) Siberian-Bukharan-Nogai Relations in the Light of Correspondence Between Abdallah, the Khan of Bukhara, and Kuchum, the Khan of Siberia. *Stratum plus*. 6. pp. 229–243. (In Russian).
33. Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura.
34. Iskhakov, D.M. (2009) *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [Turkic-Tatar States of the 15th–16th Centuries]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo.
35. Iskhakov, D.M. (2011) *Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [The Sayyid Institution in the Ulug Ulus and the Late Golden Horde Turkic-Tatar States]. Kazan: Fen.
36. Bakieva, G.T. (2011) *Obychay i zakon. Ocherki pravovoy kul'tury sibirskikh tatar v XVIII – nachale XX veka* [Custom and Law. Essays on the Legal Culture of Siberian Tatars in the 18th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Geo.
37. Lappo, D.E. (1906) Ob izuchenii stepnogo prava [On the Study of Steppe Law]. *Russkaya mysl'*. X. pp. 36–51.
38. Samokvasov, D.Ya. (1876) *Sbornik obychnogo prava sibirskikh inorodtsev* [A Collection of Customary Law of Siberian Foreigners]. Warsaw: Tip. Ivana Noskovskogo.
39. Witzennath, Chr. (2007) *Cossaks and the Russian Empire, 1598–1725. Manipulation, Rebellion and Expansion Into Siberia*. London; New York: Routledge, 259 r.
40. Andrievich, V.K. (1889) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Pt. I. St. Petersburg: Tip. i lit. V.V. Komarova.
41. Bakhrushin, S.V. (1927) *Yasak v Sibiri XVII v.* [Yasak in Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk: Sibkrayizdat.
42. Samigulov, G.Kh. (2017) [Turks of the Trans-Urals at the Time of Joining the Moscow State (According to Written Sources)]. *Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperiy* [Between East and West: The Development of Cultures, Technologies and Empires]. Proceedings of the Third International Congress of Medieval Archeology of the Eurasian Steppes. Vladivostok: Dal'nauka. pp. 233–237. (In Russian).
43. Bakhrushin, S.V. (1935) *Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vekakh* [Ostyak and Vogul Principalities in the 16th–17th Centuries]. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK SSSR.
44. Maslyuzhenko, D.N. & Tataurov, S.F. (2015) Isker as a Mythologeme in the Study of Siberian Khanate History. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 4. pp. 135–150. (In Russian).
45. Fayzrakhmanov, G. (2002) *Istoriya sibirskikh tatar s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [History of Siberian Tatars From Ancient Times to the Beginning of the Twentieth Century]. Kazan: Fen.
46. Vel'yaminov-Zernov, V.V. (1864) *Istochniki dlya izucheniya tarkhanstva, zhalovannogo bashkiram russkimi gosudaryami* [Sources for the Study of Tarkhanism Granted to the Bashkirs by the Russian Sovereigns]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
47. Kraft, I.I. (1900) *Iz kirgizskoy stariny* [From Kyrgyz Antiquity]. Orenburg: Tipo-litografiya F.B. Sachkova. pp. 80–82.
48. Shapshal, S.M. (1953) K voprosu o tarkhannykh yarlykakh [On Tarkhan Edicts]. In: Baskakov, N.A. (ed.) *Akademiku V.A. Gordlevskomu k ego semidesyatiletiyu* [To Academician V.A. Gordlevsky on His Seventieth Birthday]. Moscow: USSR AS. pp. 304–316.
49. Maslyuzhenko, D.N. (2018) To the History of the Institute of Tarkhanship in the Shibaniids' States in the South of Western Siberia. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva – Medieval Turkic-Tatar States*. 10. pp. 71–74. (In Russian).
50. Monahan, E. (2016) *The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press.
51. Samigulov, G.Kh. (2012) Istoricheskie dorogi i ikh rol' v osnovanii slobod i ostrogov Yuzhnogo Zaural'ya XVII veka [Historical Roads and Their Role in the Foundation of Settlements and Fortresses of the Southern Trans-Urals of the 17th Century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 53:34 (288). pp. 30–35.
52. Akhmedov, B.A. (1965) *Gosudarstvo kochevykh uzbekov* [The State of Nomadic Uzbeks]. Moscow: Nauka.

Received: 16 October 2019